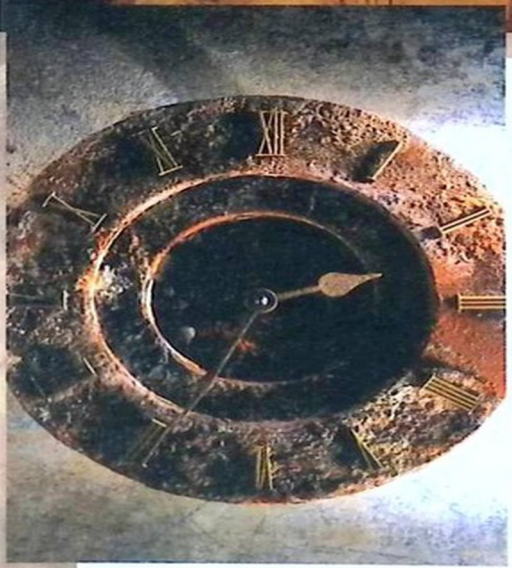
КУРТ ВОННЕГУТ

Долгая прогулка — навсегда



Наша беда не в том, что на Земле
слишком много людей, а в том,
что на ней слишком много тел...

СТИЛЬ
Новый

Долгая прогулка - навсегда

Курт Воннегут

Аннотация

Курт Воннегут. Долгая прогулка — навсегда

Аннотация

Они выросли по соседству, их отношения никогда не переходили границ крепкой дружбы.

Теперь им по 20 лет и они не виделись целый год. Она выходит замуж.

Чтобы что-то изменить у него только один вечер, ради которого он ушел в «самоволку».

Курт Воннегут
Долгая прогулка — навсегда

Они выросли по соседству, их домики стояли рядом, на окраине города, среди полей, лесов и садов, а за ними виднелась чудесная колоколенка на старинном здании школы для слепых.

Теперь им исполнилось по двадцать лет, и они не виделись целый год. Их отношения всегда были полны веселой товарищеской теплоты, но они никогда не говорили о любви. Его звали Ньют. Ее — Катарина. Ранним вечером Ньют постучал в дверь Катарины, Катарина вышла на крыльцо. В руках у нее был толстый глянцевитый журнал — она только что его читала. Весь журнал был посвящен исключительно невестам.

— Ньют, — сказала она. Она очень удивилась, увидев его на пороге.

— Можешь пойти со мной погулять? — спросил он. Человек он был застенчивый, даже с Катариной стеснялся. Он старался скрыть застенчивость, разговаривая рассеянно, небрежно, как будто его мысли были заняты чем-то совсем другим, далеким, — так мог бы разговаривать тайный разведчик, который зашел мимоходом, отправляясь на задание в какие-то дальние и опасные места.

— Погулять? — спросила Катарина.

— Шаг за шагом, по лескам, по мосткам, — ска-

зал Ньют.

— Я не знала, что ты в городе, — сказала она.

— Только что приехал.

— Ты, как видно, все еще в армии, — сказала она.

— Семь месяцев осталось, — сказал он.

Он служил в артиллерии рядовым 1-го класса. Форма на нем была измята, башмаки в пыли, лицо небритое. Он протянул руку за журналом.

— Дай-ка взглянуть. Красивый журнальчик, — сказал он.

Она отдала ему журнал.

— Я выхожу замуж, Ньют, — сказала она.

— Знаю, — сказал он. — Пойдем погуляем.

— Но я ужасно занята, Ньют, — сказала она. — Свадьба-то через неделю!

— А мы погуляем, — сказал Ньют, — и ты вся разрумянишься. Будешь румяной невестой. — Он перелистал журнал: — Вот такой розовенькой, как эта, и эта, и эта. — И он показал ей розовых невест на картинках.

— Это будет мой подарок Генри Стюарту Чэзенсу, — сказал Ньют. — Вот поведу тебя гулять и приведу ему обратно розовую невесту.

— Откуда ты знаешь, как его зовут? — спросила Катарина.

— Мама написала, — сказал Ньют. — Он из Питсбурга?

— Верно, — сказала она. — Он тебе понравится!

— Возможно, — сказал он.

— А ты… А ты можешь приехать на свадьбу, Ньют?

— Вот это сомнительно, — сказал Ньют.

— У тебя отпуск короткий, да?

— Отпуск? — сказал Ньют. Он рассматривал большую — на две страницы — рекламу столового серебра. — А я не в отпуске, — сказал он.

— Как? — сказала она.

— Сам ушел, — сказал Ньют. — У них это называется «самоволка».

— Что ты, Ньют, зачем?

— Надо было узнать, какое столовое серебро ты думаешь выбрать. — сказал он и стал читать вслух название из журнала. — «Албемарль»? — сказал он. — Или «Легенда»? или «Роза равнин»? — Он поднял глаза, усмехнулся. — Собираюсь подарить вам с мужем ложку! — сказал он.

— Ньют, Ньют, скажи мне, что ты хочешь?

— Хочу пойти погулять, — сказал он.

— Ах, Ньют, ты меня дурачишь, ты вовсе не ушел в самоволку! — сказала она.

Ньют потихоньку засвистел, подражая поли-

цейской сирене, и поднял брови.

— Ты… ты откуда ушел?

— Из форта Брегт, — сказал он.

— Из Северной Каролины? — сказала она. — Да как же ты сюда добрался?

Он поднял большой палец, помахал им, как машут, прося подвезти.

— За два дня, — объяснил он.

— Твоя мама знает? — спросила Катарина.

— Я вовсе не к маме приехал, — объяснил Ньют.

— А к кому же?

— К тебе.

— Почему ко мне? — спросила она.

— Потому что я тебя люблю, — сказал Ньют. — Ну как, пойдем погулять? Шаг за шагом, по лескам, по мосткам…

Они шли лесом, по земле, устланной пожелтевшими листьями.

Катарина сердилась, она расстроилась почти до слез.

— Слушай, Ньют, — сказала она, — что за сумасшествие!

— Это почему же? — спросил он.

— Ну как же не сумасшествие: выбрал такое время говорить, что любишь меня. — Она остано-

вилась. — Раньше ты никогда не говорил…

— Пошли дальше, — сказал он.

— Нет, — сказала она. — Дальше не пойду. И вообще не надо было мне с тобой идти.

— Но ты же пошла, — сказал он.

— Пришлось увести тебя из нашего дома, вдруг кто-нибудь вошел бы и услышал, что ты мне говоришь за неделю до свадьбы!

— А что они подумали бы? — спросил он.

— Подумали бы, что ты сошел с ума.

— А почему?

— Должна тебе сказать, что я глубоко польщена, если ради меня ты действительно пошел на такое безумие, хотя я не очень-то верю, что ты в самоволке, но все может быть. И я не очень-то верю, что ты меня любишь, но может быть…

— Люблю, — сказал Ныот.

— Прекрасно, я чрезвычайно польщена, — сказала Катарина, — и я очень люблю тебя как друга, Ньют, очень люблю, но уже поздно, ничего не поделаешь! — Она отступила на шаг от него: — Ты ведь ни разу в жизни даже не поцеловал меня! — сказала она и тут же закрыла лицо руками. — Нет, я вовсе не говорю, что ты сейчас должен поцеловать меня. Все это до того неожиданно, я просто не знаю, как мне поступить.

— Давай еще погуляем, — сказал Ньют. — Все-таки развлечение.

Они пошли дальше.

— Ты чего же от меня ждал? — спросила она.

— Почем я знал, что мне ждать? — сказал он. — Я ведь еще никогда таких вещей не делал.

— Может быть, ты думал, что я брошусь к тебе в объятия? — спросила она.

— Может быть, — сказал он.

— Прости, что я тебя разочаровала, — сказала она.

— А я ничуть не разочарован, — сказал он. — Я же ни на что не рассчитывал. Все хорошо, и погулять приятно.

Катарина вдруг остановилась.

— Знаешь, что сейчас будет? — сказала она.

— Не-еет, — сказал Ньют.

— Мы пожмем друг другу руки и расстанемся друзьями, — сказала она. — Вот что сейчас будет.

Ньют кивнул.

— Ладно, — сказал он. — Ты меня хоть изредка вспоминай. Вспоминай, как крепко я тебя любил. И тут Катарина вдруг расплакалась.

— Что это значит? — спросил Ньют.

— То, что я в бешенстве, — сказала Катарина. — Ты не имел никакого права…

— Надо же мне было узнать, — сказал Ньют.

— Если бы я тебя любила, — сказала Катарина, я тебе давно дала бы понять.

— Правда? — спросил он.

— Да, — сказала она. Повернувшись к нему, она посмотрела ему в глаза, лицо ее вспыхнуло румянцем. — Ты бы сам понял, — добавила она.

— Как? — спросил он.

— Сам увидел бы, — сказала Катарина. — Женщины не очень-то умеют скрывать.

Ньют всмотрелся в лицо Катарины. И, к ее ужасу, она поняла, что сказала правду — женщина скрывать любовь не умеет, и теперь Ньют увидел эту любовь. И он сделал то, что должен был сделать: он поцеловал Катарину.

— С тобой просто сладу нет, — сказала она.

— Вот как? — сказал он.

— Не надо было… — сказала она.

— Тебе не понравилось? — спросил он.

— А чего ты ждал? — сказала она. — Дикой, неукротимой страсти?

— Я же тебе повторяю, — сказал он, — я никогда не знаю, что может случиться.

— Попрощаемся, и все, — сказала она. Он нахмурился.

— Хорошо, — сказал он.

Она снова произнесла небольшую речь.

— Я ничуть не жалею, что мы с тобой поцеловались. Это было очень-очень мило. Нельзя было не поцеловаться, мы же стояли так близко. И я всегда буду помнить тебя, Ньют, и желаю тебе счастья.

— И тебе, — сказал Ньют.

— Благодарю тебя, Ньют, — сказала Катарина.

— Тридцать суток, — сказал Ньют.

— Что? — сказала она.

— Тридцать суток на гауптвахте, — сказал Ньют. — Вот во сколько мне обойдется один этот поцелуй.

— Мне… мне очень жаль, — сказала она. — Но я тебя не просила идти в самоволку.

— Знаю, — сказал он.

— И вовсе ты не герой, — сказала она, — и никакой награды не заслужил: наделал глупостей, тоже мне герой!

— Наверно, приятно быть героем, — сказал Ньют. — А твой Генри Стюарт Чэзенс — герой?

— Мог бы стать героем, если бы пришлось? — сказала Катарина. Она с неудовольствием поняла, что они уже снова идут по лесу, забыв о прощании.

— Ты его действительно любишь? — спросил

Ньют.

— Конечно, люблю! — с жаром выпалила она. — разве я вышла бы за него, если б не любила?

— А что в нем хорошего? — спросил Ньют. Катарина остановилась.

— Ты понимаешь, до чего отвратительно ты себя ведешь? — сказала она.

— Да, в Генри много, много, много хорошего! И, наверно, много плохого. Но это не твое дело! Я люблю Генри и не обязана обсуждать с тобой его достоинства.

— Прости, — сказал Ньют.

— Странно, честное слово! — сказала Катарина. И Ньют опять поцеловал ее. Он поцеловал ее, потому что ей явно этого хотелось.

Они зашли в огромный фруктовый сад.

— Как же мы оказались так далеко от дома, Ньют? — спросила Катарина.

— Шаг за шагом, по лескам, по мосткам, — сказал Ньют.

Совсем близко, на колокольне школы для слепых, зазвонили колокола.

— Школа для слепых, — сказал Ньют.

— Школа для слепых, — повторила Катарина. Она покачала головой в каком-то сонном недоумении. — Но мне же пора домой! — сказала она.

— Давай попрощаемся! — сказал Ньют.

— Как только я хочу с тобой проститься, ты меня целуешь, — сказала Катарина.

Ньют сел на скошенную траву под яблоней.

— Давай посидим, — сказал он.

— Нет, — сказала она.

— Я до тебя не дотронусь! — сказал он.

— Не верю, — сказала она.

Катарина села под другим деревом, в двадцати шагах от него. Она закрыла глаза.

— Желаю тебе увидеть во сне Генри Стюарта Чэзенса, — сказал Ньют.

— Кого?

— Желаю тебе увидеть во сне твоего чудного жениха, — сказал Ньют.

— И увижу! — сказала она. Она крепко зажмурилась, чтобы представить себе своего жениха.

Ньют зевнул.

Пчелы гудели в ветвях, и Катарина чуть не заснула. Открыв глаза, она увидела, что Ньют и в самом деле заснул. Он даже начал тихонько похрапывать. Целый час Катарина не будила Ньюта, и пока он спал, она смотрела на него с глубочайшим обожанием.

Тени от яблони пошли к востоку, колокола в школе для слепых зазвонили снова.

— Чик-а ди-ди-ди, — завела песенку синичка. Где-то далеко зажужжал стартер машины, зажужжал и умолк, снова зажужжал и, умолкая, совсем затих.

Катарина встала из-под своего дерева и опустилась на колени перед Ньютом.

— Ньют! — позвала она.

— А? — сказал он и открыл глаза.

— Поздно! — сказала она.

— Привет, Катарина! — сказал он.

— Привет, Ньют! — ответила она.

— Я тебя люблю! — сказал он.

— Знаю, — сказала она.

— Слишком поздно, — сказал он.

— Слишком поздно, — повторила она. Он встал, крякнул, потянулся.

— Очень славная прогулка, — сказал он.

— По-моему, тоже, — сказала она.

— Что ж, расстанемся тут? — сказал он.

— А куда денешься ты? — спросила она.

— Доберусь до города, явлюсь по начальству, — сказал он.

— Всего хорошего! — сказала она.

— И тебе тоже, — сказал он. — Выйдешь за меня замуж, Катарина?

— Нет, — сказала она.

Он улыбнулся, пристально посмотрел на нее и быстро пошел прочь. Катарина следила, как он становится все меньше и меньше, теряясь в длинной череде теней и деревьев, и знала, что стоит ему сейчас остановиться, обернуться, позвать ее — и она бросится к нему. Другого выхода у нее не будет.

И Ньют остановился. Он обернулся. Он позвал ее.

— Катарина! — крикнул он.

Она бросилась к нему, обхватила его руками — говорить она не могла.